

(1) Мне тринадцать лет. (2) Каждый вечер в ущерб заданным урокам я читаю и перечитываю всё одну и ту же книгу – «Войну и мир». (3) Я влюблена в князя Андрея Болконского. (4) Я ненавижу Наташу, во-первых, оттого, что ревную, во-вторых, оттого, что она ему изменила.

– (5) Знаешь, – говорю я сестре, – Толстой, по-моему, неправильно про неё написал. (6) Не могла она никому нравиться. (7) Посуди сама – коса у неё была «негустая и недлинная», губы распухшие. (8) Нет, по-моему, она совсем не могла нравиться. (9) А жениться он на ней собрался просто из жалости.

(10) Ещё мне не нравилось, зачем князь Андрей визжал, когда сердился. (11) Я считала, что Толстой это тоже неправильно написал. (12) Я знала точно, что князь не визжал.

(13) Каждый вечер я читала «Войну и мир». (14) Мучительны были те часы, когда я подходила к смерти князя Андрея. (15) Мне кажется, что я всегда немножко надеялась на чудо. (16) Видимо, надеялась, потому что каждый раз то же отчаяние охватывало меня, когда он умирал. (17) Ночью, лёжа в постели, я спасала его. (18) Я заставляла его броситься на землю вместе с другими, когда разрывалась граната. (19) Отчего ни один солдат не мог догадаться толкнуть его? (20) Я бы, конечно, догадалась, я бы толкнула.

(21) А потом я посылала к нему всех лучших современных врачей и хирургов.

(22) Каждую неделю читала я, как он умирает, и надеялась, и верила чуду, что, может быть, на этот раз он не умрёт. (23) Нет. (24) Умер! (25) Умер! (26) Живой человек один раз умирает, а этот вечно, вечно.

(27) И стонало сердце моё, и не могла я готовить уроки. (28) А утром... (29) Сами знаете, что бывает утром с человеком, который не приготовил урок!

(30) И вот наконец я додумалась. (31) Решила идти к Толстому, просить, чтобы он спас князя Андрея.

(32) Пусть даже женит его на Наташе, даже на это иду, даже на это, только бы не умирал! (33) Спросила гувернантку, может ли автор изменить что-нибудь в уже напечатанном произведении. (34) Та ответила, что как будто может, что авторы иногда для нового издания делают исправления. (35) Посоветовалась с сестрой. (36) Та сказала, что к писателю нужно идти непременно с его карточкой и просить подписать, иначе он и разговаривать не станет, да и вообще с несовершеннолетними они не говорят.

(37) Было очень жутко. (38) Исподволь я узнавала, где Толстой живёт. (39) Говорили разное – то, что в Хамовниках, то, что будто уехал из Москвы, то, что на днях уезжает. (40) Купила портрет. (41) Стала обдумывать, что скажу. (42) Боялась – не заплакать бы. (43) От домашних своё намерение скрывала – осмеют.

(44) Наконец решилась. (45) Приехали мамыны родственники, в доме поднялась суета, и я поняла: время удобное. (46) Я сказала старой няньке, чтобы она проводила меня «к подруге за уроками», и пошла.

(47) Толстой был дома. (48) Те несколько минут, которые пришлось прождать в передней, были слишком коротки, чтобы я успела удрать, да и перед нянькой было неловко. (49) Помню, мимо меня прошла полная барышня, что-то напевая. (50) Это меня окончательно смутило. (51) Идёт так просто, да ещё напевает и не боится. (52) Я думала, что в доме Толстого все ходят на цыпочках и говорят шёпотом. (53) Наконец – он. (54) Он был меньше ростом, чем я ждала. (55) Посмотрел на няньку, на меня. (56) Я протянула карточку и, выговаривая от страха «л» вместо «р», пролепетала:

– (57) Вот, плюсили фотоглафию подписать.

(58) Он сейчас же взял её у меня из рук и ушёл в другую комнату. (59) Тут я поняла, что ни о чем просить не смогу, ничего рассказать не посмею и что так осрамилась, погибла навеки в его глазах со своим «плюсили» и «фотоглафией», что дал бы только Бог убраться подобру-поздорову. (60) Он вернулся, отдал карточку. (61) Я сделала реверанс.

– (62) А вам, старушка, что? – спросил он у няньки.

– (63) Ничего, я с барышней.

(64) Вот и всё. (65) Вспоминала в постели «плюсили» и «фотоглафии» и плакала в подушку.

(По Тэффи)